

Владислав БАХРЕВСКИЙ

г. Москва

ЛЕПОТА

сказка

1

Жил в городе Сударушкине добрый человек Лепота. До того был прост, что его даже не обманывали.

По простоте своей отправился Лепота в арабские страны торговать русским жемчугом. Русский жемчуг речной, озёрный, а у них в тёплых странах — гурмыжский, светоносный со дна морского. Ехать к арабам с жемчугом всё равно что к русским со снегом посреди зимы.

Но вот ведь какое дело! Разгорались глаза у арабских, у персидских, у индийских купцов на чёрные жемчужины с Нерли, с Онеги, с Унгара, с безымянных озёр и рек, где летом солнце незакатное.

Лепота оглядеться как следует не успел, а всё у него уже продано.

И чёрный жемчуг с голубиное яйцо, и мешок зёрен с брусничку. Заодно брали. Мелкий, да иной, небывалый в тех странах.

Дело к вечеру, а у Лепоты — лепота. Заморские товары куплены, караван нанят. Пошёл караван на ночь глядя по морю песка к морю воды. На верблюде — как на корабле. Голова в звёзды окунается. Днём караванчики в шатрах дремлют, песок как раскалённые

камни в бане, впору пару поддавать, да всей воды — бурдюк.

На шестой день пути увидел Лепота оазис — рай земной. Деревья в цвету, на пальмах сладкие финики, ручей звенит. И беда — вот она...

Вороньё черно, а разбойники пустыни черней. На головах чёрные чалмы, одежды чёрные, про дела и говорить нечего.

Лепота прост, да разумом быстрый. Упал в ручей, прикатился к бархану, а солнце уже низко, от бархана тень. Лепота тенью к вершине, с вершины вниз, на другой бархан, на третий. Зарылся в песок, дождался ночи — и бегом. Правду сказать, по песку много-то не набегаешь.

Шёл к морю, глядя на Млечный Путь, на небесного Лебеда. Лебеди выводят птенцов на озёрах, на реках, где русский жемчуг зреет. По простоте радовался пустыне. Пески будто океан. Барханы волна за волной, ни конца им, ни края.

— Лепота! — изумился простака, встречая солнце.

Небо — кристалл несказанной синевы. По окоёму — мираж: минареты, купола. А солнце — выше, песок — того гляди сварисься.

— Затопили печку, а меня в эту печь вместо пирога!

Какое там идёт — ползёт Лепота по бархану за тенью следом. О том, что не емши, забыл. Воды!.. Губами бы коснуться...

Ощупал себя: рубаха, порты, чоботы, в подоле рубахи зашиты три жемчужины на чёрный день. Окатная с райское яблочко и такая розовая, будто рассветом напиталась. Другая, как половина луны, и свет от неё лунный. Третья — уродец, медвежонка можно угадать! Лапу сощёт. Поглядишь — глубина бездонная, а поверху будто свет вечерний на водах северных.

Все три отдал бы за единый глоток, да некому и сил совсем нет. До ночи бы дожить, дотерпеть.

Уже под звёздами скатился Лепота с бархана — рекой пахнет. Пополз, пополз. В камень упёрся. И камень тот — в росе! Господь послал целую плиту. Прополз из конца в конец — напился. Рубаха стала влажной.

Подумалось Лепоте, может, тут и остаться. А сам уже шёл, на Лебеда небесного глядя.

— Эх, крылья бы!

Решил Лепота идти, ползти до последнего вздоха.

— Помру, так ближе к дому. К Сударушкину.

Миражи морем дразнят, а оно неведомо как далеко. Бархан позади, бархан впереди и дальше бархан.

Повалился Лепота, оглушённый солнцем. Очнулся, а мираж не по краю земли — у самого носа. Росток зелёный! Листик — в одну сторону, листик — в другую сторону. Стебелёк — с мизинец.

— Лепота!!! Жалко, что чудисься!

А солнце нестерпимое, показалось — никнет один из листиков.

— Да ты не призрак, — обрадовался Лепота. — Мы с тобой живые! Не оставлю тебя на погибель.

На груди во впадинке влажно, взял Лепота росток с белым корешком, на грудь положил — и на бархан. Сил нет, да ради ростка умереть нельзя.

И чьё счастье? Лепоты ли, росточка ли зелёного? Всадник!!!

Лепота руки воздел к небесам.

— Воды!

А всадник смеётся. Снял с седла бурдюк, а пальцами показывает: вода денег стоит. Разорвал Лепота подол на рубахе, лунную жемчужину показывает. Бедуин расщедрился, напоил странника верблюжьим чалом, дал бурдюк с водой, лепёшку и показал на следы верблюда.

Лепота понятливый, пошёл по следу, но прежде всего росточек в бурдюк пристроил. Росток ожил, подрос, листики стали шире, зеленее.

А вот след верблюда быстро потерялся: ветер дует — песок течёт.

Лепота шёл и шёл, вода в бурдюке убывала, убывала... Последние капли оставил добрый человек росточку.

Поднялось солнце, барханам убыли не видно, а тут опять мираж: шатры, верблюды и мясом варёным пахнет.

Не сдержался Лепота, побежал к миражу, а в шатрах — люди.

Засмеялся Лепота:

— Миражи-то чай без запаха!

Приняли бедуины странника, напоили, накормили. Нарисовал Лепота на песке корабль, спрашивает:

— Где море?

Показали, в какой стороне и три пальца. Три дня пути. Попросил Лепота земли и горшочек для ростка. Бедуины между собой поговорили, повели гостя в дальний шатёр. Возле шатра вода из земли исходит, по берегам зелёная трава. На одном берегу куст белой розы, на другом — красной.

Вышла из шатра юница, платье бедуинское, лицо золотое, глаза оленьи. Лепота на росточек показывает, на землю, горшок руками в воздухе слепил. Засмеялась, и бедуины засмеялись, что-то сказали, поцеловали, как сестру, и пошли. На верблюдов садятся, все с ружьями.

— А ведь они разбойники! — догадался Лепота.

Принесла красавица серебряный горшочек, взяла земли из-под белой розы, из-под алой розы, посадила росток, полила из ладонки и вернула Лепоте. Тот в пояс поклонился юнице, положил руку на сердце.

А разбойница смотрит на него, смотрит и на розы указала.

— Принеси, но одну.

Глянул Лепота на белую. Бела, как первый снег. Посмотрел на девушку-красавицу, к лицу ей белая роза. Чистоты и красоты прибывает на белом свете. Сделал шаг Лепота к белой розе, но взглянул-таки на другой берег ручья. Там на кусте всего один бутон расцветший. Красный, как солнце, и отважный, как солнце, открыт небу, пустыне, Богу, людям. Повернулся к девушке: ни мертва и ни жива, будто казни ждёт.

Перешагнул Лепота ручеек, сорвал алую розу.

Ах, как засмеялась бедуинка, закружилась, запела. И по барханам пение пошло, миражи потекли по окоёму земли изумрудные, города будто праздники, вода плещется со всех четырёх сторон, будто мир — остров.

Взяла бедуинка Лепоту за руку, увела в шатёр.

3

Солнце пустыни на закате глаз не слепит, позволяет смотреть на себя, позволяет любить себя. Смотрели Лепота и бедуинка на огромное солнце, и солнце благословило их.

Подарил Лепота любимой всё, что имел: жемчужину розовую, как утро, и жемчужину цвета сокровенных глубин. Приняла красави-

ца подарки и тотчас отдалась. Привели служанки коня золотого, как солнце, и кобылу серебряную, как луна.

Сели Лепота и возлюбленная его на коней, служанки — на верблюдов, и пошёл караван к морю. Наняла бедуинка корабль Лепоте и сказала, прощаясь:

— Твой конь будет ждать тебя, солнце моей пустыни будет ждать тебя, и я буду ждать тебя.

Взяла у Лепоты горшочек и уронила на росток слезу.

... Вот уже и паруса звенят. Летит корабль по волнам, а Лепота ищет глазами оставленный берег, но всюду одни волны. Чем ветер сильнее, тем город Сударушкин ближе. Радуетя Лепота, да ветер-то пуще, пуще. Обернулся бурей, буря ураганом. Ночью подхватили волны корабль, ударили в кромешной тьме о скалы...

Носило их по морю на высоких волнах, а утром — тишина. Лепота на спине плыл, серебряный горшочек с ростком на груди держал, спасал от горького, от солёного моря. И опять старая беда: в пустыне без воды и в море без воды. Но вдруг дождь пошёл. Лепота утолил жажду и росток испил сладкой воды. Тотчас и подрос, ещё один листочек пустил.

Увидели дельфины среди волн зелёный росток, подплыли, поднырнули под Лепоту, понесли к берегу, на песок вытолкнули. Полежал Лепота в изумлении на тверди земной, поглядел на росток подросший и сказал ему: «Если живы, домой пошли!»

И легла Лепоте дорога в ноги, догнал странников.

— Куда путь держите, божи люди?

— Во святой град Ерусалим, где поток Кедрон, а за Кедром — гора Елеонская, где Пуп Земли и Голгофа, где Храм Воскресения, а во храме — пещера малая и в пещере — Гроб Господень.

И был Лепота во Святой Земле на горе Елеонской, в саду Гефсиманском.

Был на Голгофе, где умер на Кресте Господь наш Иисус Христос.

Домой шёл с паломниками. Росток рос да рос, вымахал в сажень.

И нёс его Лепота на спине, поставив комлем в мешок.

Вошёл в Сударушкин, а любопытные вот они, спрашивают:

— Лепота, что у тебя за дерево такое?

— Это не дерево, — отвечает, — это брат мой родной.

— А где товары заморские?

— Да за морем!

Народ хохочет, Лепоте тоже весело.

— Что товары! Нам Господь Святую Землю показал, благословил до дома дойти.

4

Домишко Лепоты на берегу реки. С трёх других сторон — земля городская. Пошёл Лепота к голове города просить соизволения деревце посадить — оно ему как брат родной.

— Вершка лишнего нет! — отказал Лепоте голова. — Отнеси свой саженец в лес.

— С братом жить надобно по-родственному.

Поклонился Лепота великому человеку, да к поклону деньги надобно прилагать. Нет денег — прощай.

Лепота подумал, подумал — разобрал в горнице пол и посадил деревце в своём доме. Земле брат-росток обрадовался.

А у Лепоты время обеда, пошёл в ближний лес за грибами. Три сыроежки попало, горсть лисичек да ещё куриный гриб — мухомор серый. Поспешил домой, дверь открыл и онемел. Уходил — деревце веточку тянуло из-под пола, а теперь вершиной в потолок упирается.

— Ай да брат!

Лепота полез на чердак, потолок разобрал, подумал и за крышу принялся. Собрались люди, спрашивают:

— Лепота, впереди осень, дожди. Зима тоже ведь пожалует. Как ты без крыши жить будешь?

Разводит простак руками.

— Мой брат растёт не по дням, а по часам. Походите маленько, он сей миг вам покажется.

И точно! Брёвна затрещали, посыпались, крыша распалась. Прёт в небо могучее дерево, зелёное, кудрявое. Лепота на печной трубе сидит и радуется.

— Видите, какой у меня брат?!!

— Видим, — говорят люди. — Может, твоё дерево и хлебом тебя накормит?

Тут Лепота про грибы вспомнил.

— Пора супцу сварить.

Но кругом брёвна, доски. Вздохнул:

— Калачика бы!

И — хлоп! Калач с дерева. Лепота корочку откусил — хрустит! Запах от калача, будто их целый противень.

Смотрят люди на калач и никак не поймут, откуда он взялся.

— Братец угостил! Отведайте!

Посыпались калачи на горожан, тёплые, духмяные.

Лепота спустился с трубы на печь, разгрёб себе местечко.

— Спокойной всем ночи! — говорит. — Нам с братом спать пора, он у меня ещё маленький.

А дерево вровень с маковками теремов.

Поевши калачика, Лепота славно выспался. Утром будят. Погорельцы пришли.

— Дай твоего хлеба, — просит женщина. — Видишь, у меня семеро ребят. Муж за море уехал, и нет его. Избушку молнией сожгло, новую некому и не на что поставить.

Лепота и говорит:

— Твоя сгорела, а моя рассыпалась. Забирай брёвна, из готовых брёвен сложить дом немудрено. А вот калачей у меня нет.

Тут ребятишки, что с мамой пришли, крик подняли:

— Гляко! Гляко! Булка!

А с ветки и впрямь булка, уж такая румяная, и тянется, тянется к земле.

— Сначала малому! — сказал Лепота.

Маленький ручонки протянул. Булка — вот она. Отломил кусочек.

— Вкусно!

Братцы и сестрицы тоже отломали по ломтю, а булки не убыло.

— Бери, чтоб всем было сытно! — сказал Лепота женщине. — И ступай за артелью. Пусть перевезут дом туда, где живёшь.

— Благодарствую! — женщина слёзы утирает. — Только заплатить мне артели нечем.

— Ничего! Я заплачу.

Перевезли артельщики брёвна, поставили дом и пришли к Лепоте за расчётом. Он и говорит:

— Неужто вам мало? Такое хорошее, богоугодное дело сделали!

Артельщики насупились.

— Не заговаривай нам зубы. Сказал расплатишься — плати.

— Я заплачу, но сначала заплачу, — вздыхает Лепота. — Подождали бы, лето уж очень хорошее.

— Летом о зиме думают. Плати!

Ох, как вздохнулось Лепоте. И — динь-динь! Дон-дон! Монеты с дерева сыплются, ударяются, раскатываются.

Золото! Артельщики кто в пригоршни ловит, кто под деревом ползает. Набивают монетами карманы, шапками черпают.

И — белки!

Белки! Белки! Тоже хватают золото, будто это орехи, и на дерево.

Маленький мальчик, сынок артельщика, как заплачет:

— Зачем ты папаньку в белку превратил? Мамке скажу.

Убежал. А Лепота сам в толк не возьмёт, куда артельщики подевались, откуда столько белок. А белки — туда-сюда, туда-сюда — ни единой монетки на земле не осталось и ни единого листочка на дереве.

Лепота поглядел вслед мальчику, заодно и на город. Сударушкин, как Жар-птица, осенью объят. Лепота виновато поклонился своему братцу, попросил, вздыхаючи:

— Слово не воробей, уж так сказалось. Ребятишкам без отцов худо. На золото кинулись! Оно же горой, ничьё! Натворил я делов, брат. Осень накликал. Прости дурость человеческую и мужиков прости, Господа Бога трудами своими утешат.

И — кап! Упала в руки Лепоте медная копеечка. Посыпалась медь с дерева, кап-кап-кап... Тут и бабы с детишками прибежали. И белки — вот они, ластятся, лапки тянут, будто просят орешек. А уж сумерки.

Стоят бабы, молчат, детишки тоже не резвятся. Угостить бы белочек, да орехов нет — не поспели.

Показал Лепота матерям и детишкам копеечку.

— Найдёте до восхода солнца — ваше счастье.

Кинулись семействами под дерево. А девочка-двухлеточка не побежала, шажок сделает и смотрит, что лежит на земле. И нагнулась.

— Копеечка!

Тотчас одна из белок ударилась оземь, обернулась артельщиком.

Мальшка копеечку на ладошке держит: подняла медную, а на ладошке — лежит золотая. Заработанная.

Первая удача — всем надежда.

— Нашла! — кричит старушка, матушка артельщика. И тотчас сын вот он.

Жив, здоров, золотой копеечке радуется.

А на небе уж звёзды проступают. Ночь.

Молодка с двумя младенцами (один — на руках, другой — за спиной) ошупью нашла денежку. Уводила мужа от дерева, смеялась, как колокольчик.

Луна взошла. Не роса кропит осеннюю траву, слёзы. Просияли копеечки ещё двум женщинам, но семеро семейств ползком ползают вокруг дерева, а счастья всё нет и нет. Уж за полночь. Звезда упала с неба, озарила землю. Трёх семействам копеечки просияли.

Всё темнее, всё чернее, луна к земле клонится, а четыре женщины с малыми ребятами безутешны. Дерево-то как зашевелится, потянулось сучьями да ветвями к луне, ухватило и на вершину к себе. Такого света в Сударушкине отродясь не видывали.

Держало дерево луну, противясь небесному круговороту. Три женщины углядели копеечки, обрели своё счастье. Остались мальчик, погрозивший Лепоте матерью, и сама его матушка. Стоят они под деревом опустивши руки, и белка с ними, а дерево луну отпустило. Рассвет занимается. Да так скоро, облака уже розовеют.

И тут Лепота про свою копеечку вспомнил, кричит мальчику:

— Да вот она!

Мальчишка вихрем схватил копеечку, принёс матери, а возле матери отец стоит. Тут и солнце взошло.

5

Происшествие с артельщиками поучительное, но жители Сударушкина очень были недовольны нежданной осенью в пору, когда липы цветут.

Да ещё слух прошёл: все немочные, все ни-

шие, горемыки беспросветные нашли кто под образами, кто в каше по три золотых монеты. Бездомному из сухаря, на помойке подобранного, золотой просиял.

Кому — радость, кому — зависть. Голова города явился к Благодарному дереву со стражей, с лесорубами. Три сундука привёз.

— Пусть твоё дерево, Лепота, насыплет полные сундуки золота, не то срубим под корень. Не надобно нам чудес, да ещё таких, когда без лета остались.

Лепота дерево загораживает.

— Меня и рубите. У меня слово сорвалось заветное.

— С тебя лозы будет довольно! — объявил голова. — Сорок розог получишь прилюдно.

Зашумело тут дерево листьями, закачало вершиной грозно. Лепота говорит:

— Шли бы вы, ребята, по домам. И голову с собой уводите.

Голова-то как разгневается:

— Розог сюда! — кричит.

Столб врыли. Народ со всего города согнали. Палачи Лепоту к столбу привязали, рубаху содрали. И вдруг туча нашла. Молния сверкнула. А вместо дождя из тучи — пучки розог. И давай стегать голову, стражников, палачей да лесорубов. Стегали и стегали не хуже дождя, пока в казённом доме не укрылись.

Притих грозный голова, прислал Лепоте указ: позволил дом построить.

Но у Благодарного дерева в корнях пещерка обозначилась, Лепоте — пристанище. А печь стала пристанищем бездомным странникам. Всегда натоплена, кирпичи горячи. Заслонку отодвинь: горшок щей, горшок каши и в придачу — калач.

Приходили к Лепоте и к его дереву с горестями, с надеждами, а он только вздыхал:

— Зимой мой брат спит. Потерпим до весны.

6

Весной в Сударушкин прокралось несчастье. У молодого хранителя часов городской башни дочь родилась в одно время с подснежниками. Счастливая мама вынесла свою кровиночку показать весеннему солнцу.

Положила в лодочку качелей побаюкать. И вдруг котёнок замаякул в сенях, да так жалобно. В доме ни котят, ни кошек. Поднялась женщина на крыльцо, отворила дверь — никого. Повернулась к младенцу, качели качаются, а в лодочке пусто. Кругом ни человека, ни зверя, ни птицы.

Часовщик — любимец города. Ворота затворили, кинулись искать младенца по домам, по чердакам, птичьи гнёзда проверили — исчез.

Всем Сударушкином пришли к Лепоте.

— Попроси своё Благодарное дерево найти младенца, на часах от горя стрелки замерли.

— Да вы уж попросили, — сказал людям Лепота. — Подождём аистов. Аисты принесут жданных детей и всех похищенных, всех покинутых.

Сошёл на реке лёд. За зеленью травы пошла зелень леса. Прилетели соловьи. Помолчали, как у них положено, три ночи. На четвертую голоса попробовали, и на Благодарном дереве пробилась из почек первые листочки. Соловьи — в трели да в свисты, дерево тотчас и стало зелёным, да ещё пустило стрелы, чтобы цвести.

Пришли к Лепоте часовщик с женой:

— Где же аисты? Хотя бы один?

Лепота поглядел на небо, показывает.

— Летит.

И верно — летит! Крыльями машет медленно, будто тяжело ему.

— Несёт! — закричали отец и мать, поднимая руки навстречу аисту.

А у того — колыбелька. Сел аист на Благодарное дерево, колыбельку на ветку пристроил. Колыбелька шёлковая, в колыбельке — дитя.

И тут прилетела стая аистов, каждый — с колыбелью.

Весь Сударушкин прибежал к Благодарному дереву. Аисты поднялись, сделали три круга и улетели, а дерево расцвело.

— Где же наша доченька?! — запричитала жена часовщика.

Одна колыбелька шелковые шнурки распустила — и вниз. Мать с отцом одеяло приоткрыли.

— Наша!

Все, кто ждал детей, уносили с собой ненаглядных.

Смотрит Лепота — уже никого, а на дереве,

да не в колыбели, а на ковре — младенец.
Вздоргнуло сердце у Лепоты:

— Да ведь это же мой сын!

Коврик и спустился к нему на руки.

Личико у мальчика золотое, а глаза, как у Лепоты, — синева и свет.

— Сынок, пошли к маме! Заждалась! — сказал отец своему счастью.

Поглядел на дерево.

— Братец! Ты уж помоги нам, пожалуйста!

Вдруг ветер. Коврик в ковёр развернулся. Ветки у дерева вытянулись, с веток сорвались листья, окружили ковёр, понесли.

Пригляделся Лепота — листья все крылатые.

— Ай да росток!

Обнял Лепота сыночка, а под ними — русские леса. Волнуются, шумят.

Потом степи пошли, травяной дух до облаков, и облака — вот они, погладить можно, пасутся на небесных лугах.

А на земле зелёное перешло в синее. Море сияет, радуется радости отца и сына. Море — необъятное, а коли обнимешь, вот он, берег.

Земля внизу — чистое золото.

Опустился ковёр, несомый листьями, у кромки прибоя, а на берегу жена ждёт мужа и сына. Одной рукой держит коня золотого, будто солнце, другой — серебряного — лунного.

— Ну вот и мы! — сказал Лепота своей бедуйнке.

Сели они на коней, поехали по барханам, а по всему окоёму небесному миражи: дерево Благодарное. И там, и там, и там — будто лес.

14 ноября 2013 г.

сказка

Завечереет, кинется сквозь сумерки летучая змышь, тут и почудится: на башне с часами — огоньки! Куранты в полночь вздохнут, встрепенутся звоны, но тотчас замрут.

Вот тогда и полетят с башни ночные птицы совы.

У каждой птицы — фонарь. Старый, с фитилём, со стеклом. Да только ни один пожарник в Сударушкине не всполошится. Фитили фонарей опущены в лампы со сновидениями. Огни сновидений — чудо. Чудо тоже может обжечь, но не пламенем, а мечтой.

Совы светили снам... Все сны в городе Сударушкине — младенческие, отроческие, де-

вичьи, сны взрослых людей, бабушек, дедушек — дарили спящих счастьем.

Вы представляете, какие люди жили в Сударушкине!

Но люди они и есть люди. Пошли шепотки, разговоры, недовольные объявились. В соседних-де городах, даже в деревеньках — ладно бы господа знаменитые, но неотёсанному рабочему народу, крестьянам — корявые руки — является во сне правда-матушка. Многим снится страшное, ужасное, а иным что приснится, то и сбудется.

Разволновались жители города Сударушкина. Того гляди задурят.

Совет мудрых горожан помудрил-помудрил, и было объявлено: часы на городской башне, всегда безупречные, начали отставать от часов соседних государств.

Городской голова раз-два и послал на башню шустрых работников очистить часовой механизм от пуха, от птичьего помёта. Заплатил не скупясь.

Совы днём слепенькие. Сворачивать головы птицам — потеха. Гнёзда с башни сбросить — тоже дело весёлое. Будто подушку вытрясли над Сударушкином.

Беда, погибель, но у всякой беды и погибели — своё исключение.

В переулочке возле площади жила девочка по имени Наш Подснежник. Уж такая весёлая была эта девочка.

Узнала о птичьей беде, прибежала под башню и успела поймать с лёту последнее гнездо.

В гнезде три совёнка с тремя фонариками.

Сняла девочка с головы платок, накрыла гнездо — и домой.

Выхаживала птенцов втайне. Держала в саду, в старом улье.

В Сударушкине-то со сна люди поднимались теперь озабоченные, огорчённые. Город тот же самый, часы на башне как новые, идут правильно, с курантами, со звонами. Но потемнело в городе. В людях фитильки словно бы пригасили.

А совята росли себе. Оперились, крылья поднимут, раскроют — настоящие птицы. Значит, в пору вошли.

Посадила Наш Подснежник своих питомцев

в лукошко, туда же фонари — тоже ведь подросли, были совсем крошечные! — дождалась сумерек и в лес отнесла.

Посадила на дубовый сук глазастых — рядком. Всплакнула, прощаясь:

— Летите! Живите!

А совы клювами — щёлк-щёлк! К себе зовут.

Посмотрела первая сова в глаза Нашему Подснежнику. И вторая посмотрела. И третья.

Поклонилась девочка птицам до земли и домой пошла, раздвигая ветки. Совы тотчас фонари зажгли, снялись со своего места, освещали дорогу. До опушки, до последнего куста.

Вернулась Наш Подснежник домой, а матушка с бабушкой в тревоге:

— Где ты гуляешь на ночь глядя?

— Месяц ждала, а его всё нет.

— Беречь себя надо. Тьма она и есть тьма. Господи! Глазки-то у тебя потемнели! — удивилась бабушка. — Была Наш Подснежник, а теперь — Наша Незабудка.

Матушка тоже удивилась:

— Потемнеть-то потемнели, а ясного в них прибыло.

— Добрый день прожила, доброе дело, знать, сделала! — порадовалась бабушка.

Ещё какое доброе! В ту ночь в лесной сторожке семерым ребятишкам лесника приснились счастливые сны. А сам лесник и жена его, мать детушек, всю ночь были молодыми. Снился им самый длинный день в году, когда все травы, все деревья, весь мир Господний белому свету радуются.

Танцующий На дюнах

сказка

Борису Бартфельду и его сказочному дому

Пришла пора напомнить: город Сударушкин стоял между двумя озёрами. Дубравы Сладкого озера хранили горожан от холодных северных ветров. С солнечной стороны на Сударушкин дышали зноем дюны Солёного озёра.

Воздух над дюнами в искрах — как в мороз. Сверкали не снежинки — кристаллики соли.

У смотрителя дюн был сын. Совсем ещё мальчик. Смотритель дюн раз в неделю измерял высоту песков, но каждый день огораживал их плетнями и высаживал хотя бы по деревцу, по сосенке. Матушка мальчика трудилась на крошечном огороде и в палисаднике. В палисаднике она выхаживала цветы.

Мальчику в дюнах не бывало скучно. На гребень самой высокой дюны прилетал ворон. Ворон смотрел на дюны триста лет и не соскучился.

Когда хочешь увидеть, чего не ждёшь, чего никогда не видел и никогда не увидишь, тут нужны не глаза, а потаённое дыхание. Мальчик смотрел на дюны и просто так, и не просто так.

Когда смотришь просто так, видишь песок, траву на гребне дряхлой дюны, в траве ужа. Видишь небо. Солёное озеро сияет, словно второе солнце. Через пески тянется деревянная из дощечек дорога — в песках ведь и утонуть можно!

Дорога уходит в танцующий лес. Лес посажен отцом мальчика. На песках сосны растут хорошо. Сосны здесь, как и на всём белом свете, золотые. Но деревья начинают изгибаться уже у корня. Вьются ужиными кольцами, а дальше растут стрелочками, вершины поднимают высоко.

Если ты каждый день в дюнах, они — свои, и ты дюнам — свой. Они те же, и ты тот же.

А смотреть не просто так всё равно что тосковать о счастье, когда ты был с мамой, — одно. Когда дышишь потаённо, открывается: песок — дно океана. В этом океане все, кто жив, дышат небом. Грива на гребне дюны — травяное царство. На голове ужа — янтарь. Танцующие сосны — танцуют. И ты услышишь зябликов. Зяблики поют, поют, будто боятся потерять песенку. Зяблик даже передохнуть не смеет — без песенки белый свет померкнет, а сосны забудут свой танец. Зябликов много. Они подхватывают песенки друг у друга.

Тут и вздохнёшь, и всё как всегда. А печаль наша не об этом. Хорошее на земле убывает. А если что случается, так страшное. Молния расколает дерево надвое. Накатит половодье — потоп. Ураган навалится, крыши с домов срывает, стадо унесёт вместе с пастухом...

Мальчик любил смотреть не просто так. Пусть и не углядел того, что никогда не видел, но он слышал!

Случился удивительно тихий день. Мальчик был в дюнах, и ему почудилось пение... Вершины сосен шумят, вода о берег бьётся, песок шелестит, гонимый ветром, ветры посвистывают... Пели дюны!

Мальчик глянул на ворона, а ворон на него смотрит.

С той поры, разгадывая следы, оставленные на песке, собирая зёрна янтаря, мальчик, забывшись, напевал сокровенное. Дюны подхватывали песню, зяблики замолкали. Вершины сосен уже не шумели, вода не билась в берег. Песни дюн — несказанное, даже у органа нет таких звуков.

Так вот и жили смотритель дюн и его семья. А потом случилось то, что случилось.

Голова города Сударушкина привёз в дюны знатную даму. Дюны, сверкающий воздух, ворожба танцующих сосен, белое пламя Солёного

озера и крошечный домик, укрытый цветами. Сказка. Голова города Сударушкина наградила зрителя дюн медалью «За усердную службу», а к медали этой прилагалась грамота почёта. Грамота была в золотой раме с лентой, печать — огромная. Вместе с медалью и с грамотой голова вручил зрителю конверт, а в конверте — трёхмесячное жалованье.

Даму изумили цветы, росшие в палисаднике. Она изъявила охоту купить букет, но получила самые небывалые, невиданные цветы в подарок.

Пришла в восторг, сняла с себя жемчужное ожерелье и подарила искуснице-цветоводу.

Когда гости уехали, мальчик поспешил в дюны поделиться радостью.

А дюны уже пели. Мальчик принял их пение за радость, в звуках были ритмы танца...

Мальчик поднял руку и так её повернул, что увлёк тело. Тело изогнулось, как изгибаются танцующие сосны. Ноги пошли за музыкой дюн. Одна нога поднялась для прыжка, а может, и для полёта, другая кружилась, кружилась, и танцующий поднялся над гребнем дюны.

В следующее мгновение мальчик должен был опуститься на землю. И опустился, но не на саму землю, а на поднимающуюся с дюны струйку песка. Струйка обвила ноги мальчика, и дюна снова осталась внизу. Ах, сладко опираться кончиками пальцев на струящийся песчаный вихрь! Это было то, чего он никогда не видел и не мог бы увидеть за всю свою жизнь.

Мальчик повёл правой рукой от сердца и по дюнам, не пропуская даже малые, едва приметные. Ладонью левой руки он покруживал облака над собою. И облака кружились, и дюны кружились.

Стало весело. На струях песка мальчик летал с дюны на дюну и пел, как поют дюны, и танцевал. И дюны танцевали точно так же, как это получалось у мальчика. Кружась, он размахнул руки, и дюны расступились. Мальчик опустился в центре круга. И в этом центре из глубины песков поднималась крыша из янтарной коры никем и никогда не виданных сосен. Никем, никогда, кроме хозяина. Хозяин крышу крыл, кору отбирал, укладывал чешуйку на чешуйку. Из-под крыши были видны два венца. Дом был сложен из янтарных сосен.

Мальчик стоял и смотрел.

Каким бы ни было чудо, если от чуда нет угрозы, на него смотрят точно так же, как на хлеб, на молоко, если очень хочется молока и хлеба.

Ну, а как ещё смотреть на чудо? Глаза у всех обыкновенные, а всякий день, всякий час и всякое мгновение — впервой на земле, впервой под небесами и в сердце — впервой.

— Так вот он кто, танцующий на дюнах! — это сказал отец.

Мальчик стал объяснять:

— Я руку поднял, повернул...

Но отец покачал головой:

— Тайна дарована тебе... А вот этого никто не должен видеть.

Показал на янтарную крышу, повернулся и ушёл. Пришлось потанцевать. Потанцевал, и появилась новая неприметная дюна.

А утром за зрителем и его семейством прислали тарантас. Повезли в Сударушкин. Зритель дюн радовался: наконец-то его труды замечены, признаны. Но семью привезли на окраину Сударушкина. Возле чистого домика ждал чиновник:

— Сие жилище бывшему зрителю дюн дарит госпожа, купившая у города Сударушкина Солёное озеро, бор танцующих сосен и дюны. Имени своего дама просила не называть из великой своей скромности. Вы теперь свободный человек, господин бывший зритель дюн. Выходное трёхмесячное пособие вам уже выдано. Труды ваши награждены. Засим будьте счастливы!

Чиновник поклонился и уехал, но прибыла подвода, привезла пожитки бывших жителей дюн.

Зритель, тоже бывший, долго сидел на сундуке, с которым его молодая жена пришла в дом среди дюн. Второго сундука они так и не нашли. Поглядел, поглядел на Сладкое озеро, бросил в колодец медаль и отправился в город искать работу.

Матушка мальчика принялась разбирать и расставлять по местам вещи, а мальчик вышел за ворота.

Перед воротами лужок. Телёнок на верёвке. Верёвка привязана к колышку. У колышка белоголовый пастушок.

— Этот бычок от нашей коровы, — сказал пастушок. — У нашей коровы молоко сладкое. Знаешь почему?

— Нет, — сказал мальчик из дюн.

— Наша корова пьёт воду из Сладкого озера. Вода в озере ключевая. Хочешь, я молока принесу?

И убежал. Вернулся с кринкой, с кусочком чёрного хлеба, посыпанного солью.

Молоко было вкусное, хлеб с солью и с молоком — сладкий.

— Сено нашей корове косит мой отец, — сказал пастушок. — Мама сено сгребает, а я сено на сеновале укладываю. Мне дают, а я укладываю. Это уметь надо.

— А мой отец был зрителем дюн, — сказал мальчик, научивший дюны танцевать. — Когда-то в старые годы дюны засыпали деревню с людьми.

— И с коровами? — спросил мальчик, пасший телёнка.

— Со всем, что было... Нынче моего отца уволили со службы. Теперь за дюнами смотреть некому.

— За дюнами нужен глаз да глаз! — Пастушок обнял телёнка, ему было страшно, а вдруг дюны хлынут на Сударушкин.

И тут мальчики увидели бывшего хранителя дюн. Он шёл и плакал.

— Мне предложили работу пильщика, — сказал он сыну.

— Разве это плохая работа? — спросил сын.

— Работа пильщика — работа, за которую хорошо платят. Но спилить посылают танцующие сосны.

Дальше — совсем горькая история. Хранитель дюн, посадивший лес танцующих сосен, и его жена, растрившая невиданные цветы, умерли, убитые неправдой. Мальчик, научивший танцевать дюны, остался сиротой. Шли год за годом, и минуло тридцать лет.

Однажды в город Сударушкин пришёл странник.

Половину древней площади города занимал дворец. Колонны портика перед дворцом были из танцующих сосен. Дворец украшал шпиль, и венчал этот шпиль уж с янтарём на голове.

Странник нашёл улочку возле Сладкого озера

и домик на краю этой улицы. Окна у домика были пустые, ступени на крыльце сгнили.

А в центре Сударушкина гремела музыка. Хозяйка дворца праздновала своё могущество и очередное прибавление богатства.

От людей на площади странник узнал: богатство хозяйке Сударушкина принесли сосны танцующего леса. Каждое дерево — чудо. Даже поделки из тонких веток танцующей сосны одачивают купившего благополучием.

Хозяйка Солёного озера и дюн на деньги, вырученные от срубленного танцующего леса, купила город Сударушкин, купила во всех окрестных царствах дворцы и жила в этих дворцах по три дня.

Одни только дюны не подчинились владычице Солёного и Сладкого озёр. Дюны стали бродягами и драчунами. Они сшибались друг с другом и, пожирая друг друга, превращались в песчаные горы. Да ещё ворон остался свободной птицей. Раз в году он прилетал в Сударушкин, садился на янтарь ужа на дворцовом шпиле и каркал.

Говорили, что старая дама в это мгновение дрожала как осиновый лист.

Теперь старая дама жила очередные три дня в Сударушкине, и музыканты развлекали народ.

Странник не стал слушать весёлый оркестр. Он взошёл на песчаную гору и услышал немоту. Дюны разучились петь.

Странник сел на песчаный гребень и сидел огорчённый. Вдруг ему почудилось, что на него смотрят. Поднял глаза — ворон.

Ворон сидел на этом же гребне, до него можно было рукой дотянуться.

И тогда странник запел. Забытое, сокровенное. Услышал стон: это дюны стонали.

Странник поднялся, поднял руку и так её повернул, что увлёк тело. Тело изогнулось, как изгибались танцующие сосны. Ноги пошли за музыкой. Одна нога поднялась для прыжка, а может быть, для полёта, другая кружилась, кружилась...

А по дюнам потекли волны. Странник танцевал быстрее, стремительней — волны песка шипели, сшибались и вдруг разошлись. Остался открытым свету и миру янтарный дворец. Очень простой. Большая изба для крестьянской жизни.

Вокруг ограда — вот только жерди янтарные. И у телеги во дворе янтарные колёса.

Но дюны пели, да так, что облака разбегались. Странник взлетел на самую высокую песчаную гору, закружился, рукой указывая на Сударушкин. И гора песка пошла, и все дюны пошли как полк.

Город обмер от ужаса. За злое, за попрание доброго, живущего трудами — расплата, хоть и редкая, да неотвратимая.

Стена песка надвигалась на Сударушкин, как стена океанского потопа.

Странник кружился, кружился, и до Сударушкина осталось всего ничего. Рощица сосенок, посаженных бабушками да внуками. И лужайка. На лужайке сидел белоголовый мальчик, обняв телёнка, чтоб телёнку было не страшно от воя дюн, от громады песка, заслонившего небо.

Странник увидел мальчика с телёнком и в то же мгновение прервал свой танец. Пески замерли.

И тут со шпилья дворца престарелой дамы каркнул ворон.

Началось то, чего быть не может, чего не ждали и не видывали. Колонны портика рядком, друг за другом, пошли по Сударушкину на песчаную гору и дальше — в дюны, на своё место.

Дворец, оказалось, тоже сложен из брёвен танцующих деревьев. Все брёвна ушли, собираясь по пути в деревья, в милые танцующие сосны.

Мальчик удивился, захопал в ладоши и отпустил телёнка пастись. Сам он помахал рукой страннику, стоящему на вершине песчаной горы, и побежал к нему.

Но странник не дождался мальчика, ушёл.

Мальчик взбежал на гору, а гора пятится к Солёному озеру и становится всё меньше, меньше.

Странника мальчик всё-таки отыскал среди дюн. Внизу стояла янтарная изба, и к этой избе шёл странник. Вот и крыльцо, светящее янтарным светом. Странник отворил дверь в избу, оглянулся, нашёл глазами мальчика и улыбнулся.

Мальчик радостно вздохнул, но дверь за странником закрылась. Янтарной избы вдруг не стало, как не стало дворца старой дамы на площади города Сударушкина.

Дюны, дюны. Наступающий на дюны танцующий лес. Белая кромка Солёного озера. Ворон. А что у ворона в когтях?

Крылья опустили древнюю птицу на гребень дюны. И от ворона заскользил по песку к траве уж с янтарём на голове.

Мальчик затаил дыхание, закрыл глаза и услышал — поют.

Но кто?

И догадался — дюны. Тотчас и зяблики запели свою весёлую песенку, не позволяя этой песенке прерваться.

28 июля 2013 г.

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ —

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга — «Мальчик с Веселого» — была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуршавы», рассказы и повести «Дворец Золушки», «Дом с жабой», «Желуди», «Журавлик», «Кот в сапогах с секретами» и др.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968), Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997), премии им. Александра Грина (2005) и др.

Лауреат премии журнала «Север» за 2013 год.

Член Союза писателей России с 1967 г.

